

8. ПМ КФЭЭ-2000. Ст-ца Старовеличковская Калининского р-на Краснодарского края. А/к № 2102. Инф. Гордиенко Илья Филатович, 1918 г. р.
9. ПМ КФЭЭ-1996. Ст-ца Архангельская Тихорецкого р-на Краснодарского края. А/к № 1045. Инф. Курской Михаил Петрович, 1903 г. р.
10. ПМ КФЭЭ-2001. Ст-ца Новодеревянковская Каневского р-на Краснодарского края. А/к № 2424. Инф. Быбик Сергей Гордеевич, 1910 г. р.
11. ПМ КФЭЭ-1998. Ст-ца Преградная Урупского р-на Карачаево-Черкесской Республики (КЧР). А/к № 1421. Инф. Данилов Иван Васильевич, 1920 г. р.
12. ПМ КФЭЭ-1998. Ст-ца Исправная Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1549. Инф. Беляков Иван Артёмович, 1931 г. р.
13. ПМ КФЭЭ-2001. Ст-ца Новодеревянковская Каневского р-на Краснодарского края. А/к № 2424. Инф. Быбик Сергей Гордеевич, 1910 г. р.
14. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 670. – Оп. 1. – Д. 67.
15. Ст-ца Березанская // Кубанские областные ведомости (Екатеринодар). – 1912. – № 42.
16. ПМ КФЭЭ-1996. Ст-ца Удобная Отрадненского р-на Краснодарского края. А/к № 1071. Инф. Гордиенко Василий Михайлович, 1913 г. р.
17. *Волосарн*. Не одним, значит, “гамселама”... // Кубанские областные ведомости. – 1897. – № 41.
18. Ст-ца Переправная (От нашего корреспондента). “Кулачки” // Кубанские областные ведомости. – 1910. – № 22.
19. *Бывалый*. Ст-ца Новолеушковская (Подвиг атамана Макаренко) // Кубанские областные ведомости. – 1914. – № 26.

The role of village ataman in system of customary legal views of Kuban cossacks in XIX - early XX centuries

T.V. Faroi

*the candidate of jurisprudence, the senior lecturer
Kuban state university, Krasnodar*

O.V. Matveev

*the doctor of historical sciences, the professor
Kuban state university, Krasnodar*

Authors attempted to correlate declared and real status of village ataman to customary views of Kuban cossacks in XIX - early XX centuries. The study was conducted on the basis of research literature, archival and published sources and on materials of field studies in Kuban villages during 1993-2005. Article concludes, that cossack ataman was in popular imagination as guarantor of preservation of values.

Keywords: XIX - XX centuries, Kuban cossack ataman, customary law system of cossacks, status, village collection, potestas power, customary law, field studies.

УДК 342(420.62);94(470.62)”18/19”

Специфика правового регулирования земельной собственности в контексте формирования системы государственного управления на Кубани в конце XVIII - XIX вв.

Т.В. Фарои

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В статье охарактеризована специфика правового регулирования земельной собственности на Кубани в контексте формирования системы государственного управления в конце XVIII - XIX вв. Автор проанализировала «Жалованную грамоту» Екатерины II от 30 июня 1792 г., определившую характер землевладения казачества в Кубанском регионе. В статье освещена эволюция казачьего землевладения и землепользования в связи с изменявшимися общественными отношениями. Автор пришла к выводу о том, что характер казачьего землевладения повлиял на процесс становления системы государственного управления на Кубани, вследствие чего здесь существовали традиционно сложившиеся органы власти, основанные на демократических принципах.

Ключевые слова: XVIII - XIX вв., Российская империя, Кубань, казачество, земельная собственность, частная собственность, законодатель, традиционные органы власти, демократические принципы.

Влияние особенностей правового регулирования земельной собственности на формирование системы государственного управления на Кубани в конце XVIII в. - XIX в. относится к числу наименее разработанных в отечественной историографии тем. Однако она является актуальной в свете продолжающегося реформирования государственной и правовой модели в РФ и поиска оптимальных форм воздействия государства на различные сферы общества и, прежде всего, экономическую.

По Конституции РФ 1993 г., аграрное законодательство относится к совместной компетенции РФ и ее субъектов, вследствие этого, в ряде регионов страны законодатель учитывает традиционные формы землевладения и землепользования. Это касается и казачества, которое занимает на Северном Кавказе особое положение, стремится играть активную роль не только в культурных и социальных процессах в регионе, но и в экономических и политических. В указанном регионе складывается и особый характер аграрных отношений, что закреплено в нормативно-правовых актах. Например, в 1922 г. было принято решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов № 433 «О порядке предоставления земельных наделов казачьим общественным объединениям и станичным (хуторским) обществам», в 1933 г. – решение Краснодарского краевого Совета народных депутатов № 17 «О рассмотрении требований совета стариков Всекубанского казачьего войска к депутатам краевого Совета», Постановление администрации г. Краснодара № 74 «О порядке предоставления земельных наделов казачьим объединениям и станичным (хуторским) казачьим обществам», в 1995 г. – Постановление главы администрации Краснодарского края № 454 «О предоставлении земельных участков администрации г. Новороссийска для создания казачьего поселения» и др. Конечно же, эти явления возникли не спонтанно, поскольку в своей жизнедеятельности казачество опирается на традиционный опыт, применение которого видится им более целесообразным.

Северный Кавказ и Закавказье на протяжении ряда столетий являлись узлом противоречий, где сталкивались геополитические интересы России, Турции, Англии и других государств. За обладание этим регионом между Россией и Турцией произошло несколько войн, в результате которых Северный Кавказ и Закавказье стали составной частью Российской империи и вошли в сферу ее юрисдикции.

На казачество была возложена обязанность по охране южных рубежей России. За службу правительство наделяло казаков рядом привилегий, круг которых постоянно расширялся, в зависимости от успехов на полях сражений. Причем это касалось и характера земельных отношений. Казачьи области Степного Предкавказья превратились в своеобразную «вотчину» казачьих войск, стали их собственностью, за исключением казенных и, впоследствии, частных земель.

Первым юридическим актом, определившим характер землевладения казачества на все последующие годы, стала «Жалованная грамота» Екатерины II от 30 июня 1792 г. [1; 2, с. 38-45] Без анализа Грамоты невозможно разобраться в исследуемой проблеме. По этому акту, «желая воздать заслугам войска Черноморского», императрица всемилостивейше пожаловала «оному в вечное владение состоящий в области Таврической Фанагорию со всею землею, лежащею на правой стороне реки Кубани от устья ея к Усть-Лабинскому реду, так чтобы с одной стороны река Кубань, а с другой же Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли». Что же касается угодий, размещенных на этой земле, то они жаловались «в вечное владение и распоряжение»: «Все состоящие на помянутой нами пожалованной земле всякого рода угодий, на водах же рыбныя ловли остаются в точном и полном владении и распоряжении войска Черноморского, исключая только мест для крепости на острове Фанагории и для другой при реке Кубани».

Как следует из текста Грамоты, круг объектов права владения был четко определен законодателем. Однако норма о «вечном владении» стала распространяться и на вновь присоединяемые территории, которые входили в управление казачьими войсками. Земля жаловалась в «вечное владение», а не в собственность, однако здесь же говорилось и о праве распоряжения угодьями. На наш взгляд, при анализе правовых явлений прошлого не следует модернизировать право и применять современные теоретические правовые конструкции и дефиниции. Все это зачастую приводит к неправильным выводам, что искажает суть изучаемых явлений. В данном случае, под вечным владением могло подразумеваться и право собственности, так как институт права собственности в этот период еще не получил четкой правовой регламентации (это сделали лишь в начале XIX в. в ходе систематизации русского права). Данный вывод подтверждает и суждение дореволюционного ученого-правоведа Г.Ф. Шершеневича. «Что касается русского законодательства, — писал Г.Ф. Шершеневич, — выражение “владение” употребляется в самом различном смысле: и как синоним права собственности, и как пользование, и как владение» [3, с. 151].

Сам термин «собственность» появляется лишь в конце XVIII в. и он еще не активно используется законодателем. По-видимому, в силу особенности субъекта владения, применить данное понятие было более уместно. Имея в виду категорию владения, которая ни у кого не вызывала сомнений, исследователи стремились подчеркнуть его ограниченный характер, обосновывая, таким образом, антинародную политику самодержавия. На этих позициях стояли и некоторые дореволюционные ученые. Например, известный в Кубанской области дореволюционный статистик Леопольд Тимофеевич Соколов, писавший под псевдонимом Л. Тмутараканский отмечал, что войско не имело права передавать, продавать, дарить, вообще отчуждать свои земли в собственность кому-либо. Это касалось не только рядовых казаков, но и знатных атаманов и старшин. Более того, и право внутреннего, хозяйственного распоряжения своими землями у войска было сильно ограничено, поскольку войско не могло сдавать земли в аренду свободно по своему усмотрению, а делало это на условиях и с разрешения высшего начальства. Право собственности войска в отношении земли проявлялось только в праве получать доходы от разрешенной ему деятельности. Однако автор сам находит этому объяснение. «Заметим, между прочим, — отмечал Л. Тмутараканский, — что в России, в конце концов, земля есть собственность государства и его законнейшего представителя — государя: только от него и через него в России получались и получают все существующие виды землевладения, начиная от общины и кончая собственностью» [4, с. 200]. В Российском государстве «возникла идея о принадлежности всей земли, занимаемой русским народом, единственно государю и о производном пользовании ею со стороны частных лиц», — писал и Г.Ф. Шершеневич [3, с. 173]. Таким образом, Российское государство являлось владельцем и полноправным собственником земли. Что же касалось казачества, то государство передавало ему земли в обмен за службу. «Войску Черноморскому предлежит бдение, стража пограничная от набегов народов закубанских», — написано в Грамоте.

Позволим на основании вышеизложенного сделать ряд предположений. Как уже отмечалось, земля жаловалась войску, коллективу, а не отдельным его членам. Это был беспрецедентный случай, так как, даже нанимая дворянство на службу в XVI-XVII вв. и наделяя его за это землей, законодатель имел дело с конкретным субъектом — физическим лицом. Почему же в данном случае государство не пошло по пути оформления земельной собственности по аналогии? Все это объясняется особенностями формирования и развития правовой культуры казачества, лейтмотивом которой являлись многовековые традиции, основанные на принципах равенства, социальной справедливости, коллективизма. Индивид тесным образом был связан с данным социальным сообществом, а единство целей и задач, которые ставило перед собой казачество, делали его монолитом. После ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г. воссоздали войско верных казаков, доказавших свою преданность России. Сам процесс воссоздания свидетельствует о том, что это было коллективное ходатайство, а не ходатайство частных лиц. Для более удобного и быстрого достижения своих целей на Северном Кавказе государство и пошло по пути наделения землей целого войска, так как в то время это

представлялось более рационально. Ограничение землевладения происходило не со стороны государства, а в силу сложившихся обычаев, которые, несомненно, в этот период имели большую силу, являлись более эффективными, по сравнению с установлениями государства. Даже в сфере управления здесь первоначально действовали традиционные институты. Отметим, что даже в последующие периоды, когда казачество полностью интегрировалось в государственный механизм Российской империи, здесь продолжали действовать традиционные институты власти, в частности, на уровне станичного и хуторского самоуправления.

«Многие традиционные общества, – отмечал по этому поводу Норбер Рулан, – подчиняются не столько фиксированным нормам, сколько моделям поведения» [5, с. 10]. Можно предположить, что если бы государство разрешило свободное распоряжение казачьими землями (хотя и запрета не предусматривалось и характер «владения» свидетельствует о том, что казачество распоряжалось ими по своему усмотрению, исходя из обычаев), то вряд ли оно (во всяком случае, в конце XVIII в. - начале XIX в.) поступило бы иначе. Законодатель, наоборот, стремился законодательно оформить тот порядок землевладения, который уже традиционно сложился у казачества.

Войско, в свою очередь, предоставляло землю станицам. Станицы владели и пользовались своими юртовыми землями до тех пор, пока существовали на своих местах.

Станичное общество наделяло казаков правом пользования землей. В разных обществах существовали свои системы участия в таком пользовании, но обязательным стало правило уравнительности: каждому раздавались равноценные по качеству и количеству участки. Здесь строго следовали старым традициям. Интересы личности полностью поглощала община. Закон также обходил право личности в этом вопросе и полностью передавал его решение станичным обществам. Следовательно, исходя из реально реализуемых прав, можно сделать вывод о том, что на территории, занятой казаками, сформировалась коллективная форма собственности. Коллективная собственность ориентирует на то, что речь идет о принадлежности собственности какому-то коллективу, образующему правосубъектное единство. Таким собственником и стало казачье войско.

По мере развития общественных отношений, характер казачьего землевладения и землепользования изменялся. Со второй половины XIX в. Кубань становится самым развитым аграрным регионом страны. Большая часть земельного фонда принадлежала казачеству. Составляя в 1897 г. 41% населения, казаки имели до 70% земли. Для сравнения: в руках частных владельцев находилось 12% земли, а казне принадлежало 7,2% земли [6, с. 156]. Казачье землевладение начало развиваться по пути перехода к передельно-паевой системе использования земли и постепенного формирования частной собственности. В этой сфере приняли ряд нормативно-правовых актов, среди которых следует назвать: постановление Государственного Совета «О поземельном устройстве в казачьих войсках» от 21 апреля 1869 г. [7], «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 г., «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими и другими переселенцами из России» 1862 г. [8; 9], «Положение о назначении генералам, офицерам и классным чиновникам Кубанского казачьего войска земельных наделов в потомственную собственность» от 23 апреля 1870 г. [10]

Таким образом, в конце XVIII в. - начале XIX в. в законодательных актах отсутствовали нормы о том, на каких основаниях владело землей казачье войско. Можно предположить, что государство как собственник всех земель предоставляло казачьему войску земли на праве коллективной собственности в обмен на службу. В свою очередь, казачье войско наделяло станицу правом владения землей, а станица – своих членов правом постоянного бессрочного пользования. Станичная земля была разделена на паи, в зависимости от качества. Надельно-паевые земли активно сдавались в аренду. Существовали также земли общевойсковые (запасные), которые относились к категории вненадельного фонда. Наметившаяся в середине XIX в. тенденция роста частного казачьего землевладения стала устойчивой, и уже к началу XX в. частное землевладение составило 12% всего земельного фонда Кубани.

Характер отношения собственности раскрывается, прежде всего, через определение его формы. Законодатель второй половины XIX в. не дал четких разъяснений по этому актуальному вопросу. На наш взгляд, характер казачьего землевладения больше соответствовал коллективной форме собственности, которая теоретически была обобщена лишь советским гражданским законодательством. В гражданском праве второй половины XIX в. такой формы собственности не существовало. Говорилось лишь об общинной собственности. «Несмотря на многочисленные сомнения... следует признать, что в основе общинного права лежит право собственности», — отмечал в свое время Г.Ф. Шершеневич. Закон характеризовал отношение сельского общества к земле как «общее владение сельских обывателей» [11]. Однако при такой трактовке встает проблема определения субъекта права собственности, так как законодатель субъектом данного права на землю признает «общество сельских обывателей», придавая ему статус юридического лица [12]. В теории гражданского права XIX в. «общинной собственностью» называлось право собственности на землю, «принадлежащее союзу сельских обывателей, отдельные члены которого имеют лишь право пользования». Она характеризовалась следующими признаками: «субъектами права собственности являлся союз сельских обывателей как юридическое лицо; объектом могла быть только недвижимость и, причем, только земля, члены союза наделялись правом пользования землей или обща, или особо на отведенном каждому участке» [3, с. 219]. Здесь видим противоречия: с одной стороны, это общая собственность, которая не предполагает правосубъектного единства всех членов общины (общая собственность предусматривает непременно наличие двух условий: а) одной вещи как объекта права, б) нескольких субъектов того же права) [13], а с другой — это собственность юридического лица, которым является община.

Непроработанность данного института не позволяет четко определить его юридическую природу. Бурное развитие капиталистических отношений в Российской империи в течение второй половины XIX в. привело к тому, что законодатель пошел по пути наделения членов общины правом распоряжения земельным участком. В частности, им предоставлялось право сдавать земли в аренду, причем это касалось и казачества. Здесь можно наблюдать трехступенчатую реализацию права собственности (войско-станция-казак) со своей долей прав и обязанностей.

Следовательно, существовавший во второй половине XIX в. на Северном Кавказе характер землевладения полностью соответствовал русской традиции. В силу специфики геополитической ситуации, государство рассматривалось как единый собственник всех земель. Государство, играя гипертрофированную роль в сфере общественных отношений, определяло и характер землевладения. Однако государство, как правило, учитывало традиционно сложившийся порядок отношений в сфере реализации права собственности на землю. В России всегда преобладала коллективная (общинная) форма собственности, что обуславливалось рядом причин природно-географического, религиозного, экономического и политического характера. Частная собственность, особенно с периода формирования единого Русского государства, носила, в основном, условный характер, т.е. обуславливалась несением военной или государственной службы. При этом частная собственность не была абсолютной и неприкосновенной. Лишь со второй половины XIX в., когда быстрыми темпами развивались капиталистические отношения, право собственности стало соответствовать правовым европейским стандартам [14, с. 94-120].

Безусловно, характер казачьего землевладения повлиял и на процесс становления системы государственного управления на Кубани. В конце XVIII в. - начале XIX в. здесь существовали традиционно сложившиеся органы власти, основанные на демократических принципах. Постепенно казачество стало носителем и строителем российской государственности.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е (1 ПСЗ). – Т. 23. – № 17055.
2. *Фарои Т.В.* Правовое регулирование системы государственного управления и самоуправления на Кубани (конец XVIII – начало XX веков): Монография. – Краснодар: КубГУ, 2009. – 250 с.
3. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. – М.: Статут, 2005. – 461 с.
4. *Тмутараканский Л.* Об экономическо-социальном значении поземельного владения Кубанских казаков // Кубанский сборник на 1911 год: Тр. Кубан. обл. стат. к-та / Под ред. Л.Т. Соколова. Т. 16. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1911. – С. 189-263.
5. *Рулан Н.* Юридическая антропология: Учебник для вузов / Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Норма, 1999. – 310 с.
6. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории: Учеб. пособие: В 2 ч. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар: КЭЦРО, 1994. – 270 с.
7. 2 ПСЗ. – Т. 44. – № 46996.
8. 2 ПСЗ. – Т. 45. – № 48354.
9. 2 ПСЗ. – Т. 37. – № 38256.
10. 2 ПСЗ. – Т. 45. – № 48275.
11. Свод законов Российской империи. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 555 (1).
12. Свод законов Российской империи. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 414. – П. 3.
13. Свод законов Российской империи. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 543.
14. *Фарои Т.В.* Правовое регулирование и характер земельной собственности на Северном Кавказе во второй половине XIX века // Право собственности в русской и западной традиции: история и современность: Монография / Науч. ред. В.В. Момотов. – Краснодар: КубГУ, 2001. – С. 94-120.

Specifics of legal regulation of land ownership in context of formation of system of public administration in Kuban at the end of XVIII - XIX centuries

T.V. Faroi

*the candidate of jurisprudence, the senior lecturer
Kuban state university, Krasnodar*

Article describes specifics of legal regulation of land ownership in Kuban in context of formation of system of public administration in the end of XVIII - XIX centuries. Author analyzed "Patent certificate" of Catherine II from June 30, 1792, determined the nature of land tenure of Cossacks in Kuban region. In article the evolution of Cossack land tenure and land use in connection with a change newchinese public relations. Author came to conclusion, that nature of Cossack land tenure influenced process of formation of system of public administration in Kuban region, so that there existed traditionally established governments, based on democratic principles.

Key words: XVIII - XIX centuries, Russian Empire, Kuban, cossacks, land ownership, private property, legislator, traditional authorities, democratic principles.

УДК 342(420.62);94(470.62)''18/20''

Земельная собственность на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – начале XX в.: проблемы правового регулирования

Т.В. Фарои

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Статья посвящена рассмотрению проблем, касающихся правового регулирования земельной собственности на Северном Кавказе во второй половине XIX в. - начале XX в. Проанализированы правовые аспекты различных форм землевладения и землепользования казаков, дворян, «иногородних», горских народов и других социальных групп местного населения. Автор, изучив законодательные акты России, пришла к выводу о том, что государство, играя гипертрофированную роль в сфере общественных отношений, определило и характер землевладения на Северном Кавказе. Вместе с тем, государство учитывало традиционно сложившийся здесь порядок отношений в сфере реализации права собственности на землю.